

¹² Соловьев Э. Ю. Теория «общественного договора» и кантовское моральное обоснование права//Философия Канта и современность... С. 224.

¹³ Клейст Г. Избранное. С. 448.

¹⁴ См.: Кант И. Фрагменты из подготовительных материалов к «Метафизике нравов» (философия права)//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1984. Вып. 9. С. 101.

¹⁵ Там же. С. 110—111.

¹⁶ Клейст Г. Избранное. С. 455.

¹⁷ Там же. С. 451.

¹⁸ Там же. С. 452.

¹⁹ Там же. С. 472.

²⁰ Соловьев Э. Ю. Теория «общественного договора» и кантовское моральное обоснование права... С. 208.

КАРЛ РОЗЕНКРАНЦ И ЕГО «ИСТОРИЯ КАНТОВОЙ ФИЛОСОФИИ»

Ш. Дитци

(Центральный институт философии АН ГДР)

Имя Карла Розенкранца открывает список имен целого ряда видных представителей немецких буржуазных историков философии XIX столетия, таких как Эдуард Эрдманн, Фридрих Юбервег, Эдуард Целлер и Куно Фишер. Его творчество начинается (около 1830-х г.) в период ломки общественных и духовных форм, воспринимающихся в первую очередь как формы упадка; в этот переходный период он предвидит, прежде всего, упадок немецкой классической философии, главным образом, гегельянства.

Одновременно с этим он видит себя — и это болезненно осознается им — в одном ряду с поколением эпигонов, явно опоздавших: «Свое несчастье я вижу в том, что я в такой же малой степени философ, как Михелет, Габлер, Хинрих, Фихте (И. Х.), Вайсе, в какой им является вообще все молодое поколение в смысле Шеллинга, Гегеля, Фихте. Эти были оригиналы, какими мы не являемся»¹.

Перед лицом подобного сомнения в себе мы тем не менее должны восхищаться той самодисциплиной, которая позволила ему из недавней литературной и философской посредственности стать чрезвычайно продуктивным (в Кантовом смысле) самостоятельным мыслителем, мастерскими произведениями которого мы восхищаемся и сегодня (например, его «Жизнью Гегеля») или которые нам еще предстоит открыть, как, скажем, «Историю Кантовой философии».

Однажды Карл Розенкранц указал на свой «императив», которым он руководствовался: «Я хочу писать настолько современно, чтобы можно было думать, что я живу не в затхлом Кенигсберге, а только что прибыл из Вевея, где завтракал с Генрихом Гейне»².

Карл Розенкранц родился 23 апреля 1805 г. в Магдебурге. В то время город входил (будучи под французской оккупацией)

в королевство Вестфалию. Молодой Розенкранц (его мать была французской подданной) всегда полагал, что французское влияние оставило на его развитии (до 1812 г.) очень глубокий след, и рассматривал его как счастливое обстоятельство своей жизни; еще в своей опубликованной в начале периода грюндерства (1873 г.) автобиографии он всячески подчеркивал этот благотворный опыт всемирной гражданственности перед лицом угрозы национализма (к тому же прусского).

Его симпатиям французскому духу и хорошему знанию французской литературы мы обязаны возникновением не только многочисленных соответствующих исследований (например, всегда высокопочитаемой им Жорж Санд, Вольтера, Руссо, Робине, Сент-Бёва, Леруа), но и, прежде всего, главного труда его жизни — биографии Дидро (1866).

После окончания школы в своем родном городе Розенкранц приезжает в конце апреля 1824 г. в Берлин. Здесь он изучает историю (у Раумера), занимается древнегерманской литературой (у Лахмана), натурфилософией (у Штеффенса).

Академические лекции с кафедры Гегеля, «распространявшегося в своих тяжелых и длинных периодах, которые он странным образом переворачивал, прерывал кашлем и нюханием табака и таким языком, который мне, смертному, казался недоступным»³, не смогли захватить студента Розенкранца, сравниться с блестящим Шлейермахером, лекции которого по теологии произвели на Розенкранца большое впечатление, настолько, что он решился на затею сменить философский факультет на теологический.

В 1826 г. Розенкранц отправился в Галле — центр рациональной теологии. Здесь он сохранил самые лучшие воспоминания о Шлейермахере и Штеффенсе, а также свой глубокий интерес к движению романтизма (главным образом к Тиху).

Благодаря двум своим учителям Розенкранц здесь вновь обращается к философии. Йоганн Генрих Тифтрук обратил его внимание на Канта, а Германн Хинрих — на Гегеля. Этот период философии между Кантом и Гегелем станет отныне для Розенкранца темой его философско-исторических построений и изданий.

Доступ к классической немецкой философии открылся Розенкранцу с работами Гегеля Йенского периода, различными статьями из «Критического философского журнала» (издаваемого совместно с Шеллингом) и в особенности с «Феноменологией духа»: «Школа Гегеля придерживается совершенно понятно преимущественно «Энциклопедии» и «Философии права», но тот, кто хочет познать действительного Гегеля, тот должен изучить несравненный его труд — «Феноменологию»⁴.

В 1828 г. (2 февраля) Розенкранц защитил диссертацию: литературоведческую работу («К вопросу о периодизации немецкой литературы»), а уже спустя пять месяцев (28 июля)

защищает докторскую диссертацию о Спинозе. 18 июля 1831 г. Розенкранц назначается ординарным профессором в Галле. Его рекомендовали прусскому министру по делам культа Альтенштайну как добросовестного, подающего надежды гегельянца, и от него ожидали, что он будет помощником ставшему беспомощным и неповоротливым старому профессору Хинриху.

Культурная и научная идея назначения Розенкранца в качестве нового экстраординарного профессора состояла, прежде всего, в усилении оппозиции Гегелю (годом позже (1832) в состав профессорско-преподавательского состава университета в Галле вошел приват-доцент Арнольд Руге). Перед трудным решением оказался Розенкранц, когда уже в 1833 г. открылась возможность назначения его ординарным профессором — правда, с обязательством отправиться в далекий Кенигсберг; принятие этого назначения означало действительно богатую по своим последствиям и благодатную ситуацию в научной, политической и личной жизни Розенкранца вообще.

Альбертина получила с молодым ординариусом ученого, которого следует рассматривать в последнее столетие этого университета (вплоть до его конца в 1945 г.) как одного из важнейших (и квалифицированнейших) философов, которым только довелось там работать⁵, тем положительным, что политически отличает Розенкранца от всех его преемников по философии, является его исключительно ориентированная на И. Канта всемирная гражданственность — и это в период после революции 1848 г., — его идущий вразрез со временем твердый либерализм.

Уход из Галле был, конечно, уходом в провинцию, ибо далекий пограничный город на реке Прегель утратил давно свое экономическое и культурное значение и прозябал в ожидании нового расцвета. Альбертина насчитывала всего лишь 300—400 студентов, большинство из них те, которые выбрали «низший факультет» (философский), были очень бедны, так что выплата денег за чтение лекций — совершенно иначе, чем это было принято в Галле, — постоянно отстрочивалась, к тому же его предшественник — профессор Герbart имел привычку читать лекции вообще бесплатно (свои доходы он извлекал путем чтения различных лекций для узкого круга лиц).

Однако в научном отношении перед Розенкранцем стояли значительные задачи, ибо до него существовала всесильная традиция, которую надлежало воспринять, обогатить и развивать дальше. «Итак, приняв профессуру, я вступил в отношении к Канту, которое мне внушало страх. И хотя я привык к тому, что гегелевская школа обходилась с ним чрезвычайно полемически и даже высокомерно и хотя, далее, Хинрих был ярким противником его философии, все же испытывал высочайшее благоговение перед его гением и его характером»⁶.

Предшественники Розенкранца на кафедре Канта — Вильгельм Трауготт Круг (1805—1809) и Йоганн Фридрих Гербарт (1809—1833) — находились, скорее, на периферии великого философского развития своего времени; относительно первоначальной формы трансцендентальной философии (включая ее различные разновидности), а также и динамики этой формы мышления, из которой в конце концов развились разные формы диалектической философии, они проявили полное непонимание или (как Гербарт) даже выступали прямо-таки с шопенгауэровскими оскорблениями в ее адрес. Розенкранц был, напротив, мировоззренчески и теоретически лучше подготовлен к тому, чтобы осмыслить направление общего развития философии (не только немецкой) за прошедшие столетия. Он всегда оставался верен тому (в Кантовом смысле) всемирному понятию философии, с помощью которого критический разум единственно может реализовать свое притязание на постижение природы, общества и мышления. Коренной теоретической и научной задачей, которой Розенкранц чувствовал себя обязанным всю свою жизнь, было (особенно после поражения буржуазной революции в Германии) бороться со стремительным распадом классического буржуазного мышления вообще: так он критиковал послемартовскую модную философию Шопенгауэра, так же как и клевету на Гегеля и французское просвещение, выступал против ограниченного понимания (философии) Канта неокантианством. Фридрих Энгельс нашел случай (в «Рейнской газете» от 25 мая 1842 г.) оценить по достоинству успешную деятельность Карла Розенкранца в этом отношении, когда он писал: «Розенкранц со свойственной ему многогранностью и гибкостью ума представляет приятным образом там (в Кенигсберге. — *Шт. Д.*) немецкую философию, и, хотя ему не хватает мужества к беспощадному выводу, тем не менее его тонкий такт и непредвзятый взгляд ставят его, помимо знаний и таланта, очень высоко»⁷.

С Карлом Розенкранцем в 1833 г. кафедра Канта была занята, наконец, — как ни одно поколение после смерти великого кенигсбергского мудреца — философом, обладавшим творческим знанием классики, не погрязшим ни в ностальгической тоске по былому величию, ни в невротическом стремлении к обновлению.

Вместе со своим философским багажом Розенкранц принес необходимое понимание исторического развития, что дало ему возможность благодаря разумному использованию форм мышления прошлого внести свой вклад в общественное самознание своего времени. Но и в этом парадокс — именно поэтому он в силу своей деятельности в рамках академической буржуазной философии оказался, в сущности, несовременным и аутсайдером. Это относится, прежде всего, к его работе над (понятой по-гегелевски) идеей историзма философского мышле-

ния, создавшей тем самым одновременно масштаб и критерии для современной ему философии, истинность или видимость истинности которой проявлялась лишь в степени ее генетического потенциала. Имеющая к этому отношение способность исторической дифференциации Розенкранца ярко проявляется на типичном примере отношения его к кантовскому вопросу, занимавшему немецкую философию на протяжении XIX столетия: «Если в настоящее время возвращаются назад к Канту таким образом,— писал он во время расцвета неокантианства в 70-х годах,—как будто в нем нет никаких недостатков, то это большое заблуждение, и я написал историю философии Канта в 1840 г., имея в виду выход за ее пределы, не отрицая относительной истины созданной им системы»⁸.

Молодой ординарный профессор философии Розенкранц оказался скоро в контакте с местной кантовской традицией, так, в 1836 г., в день рождения Канта (22 апреля), его попросили выступить перед членами местного общества друзей Канта (мероприятие организовывалось ежегодно).

Впервые Розенкранц высказал мысль об издании собрания сочинений Канта. Этот доклад был напечатан вскоре после этого в журнале «Диоскуры» (в 1837 г., т. 2), что побудило лейпцигского книготорговца и издателя Леопольда Фоса реализовать этот проект в своем издательстве. Фос обратился к Розенкранцу, а тот, в свою очередь, попросил коллегу по университету, историка Вильгельма Шуберта, занимавшегося в то время также Кантом, о сотрудничестве⁹. Затем в 1837 г. с Фосом был заключен контракт об издании, и работу можно было начинать.

В течение четырех лет, между 1838 и 1842 гг., было представлено первое научно обоснованное издание собрания сочинений Канта. Это издание знаменует возникновение немецкого кантоведения вообще, и значение его выходит за рамки этого новаторского труда и сохраняет свою значимость и сегодня; и не только потому, что оно снабжено результатами исследований обоих издателей.

Это издание Канта охватывает десять томов и два тома с литературно-биографическими очерками—в первом полутоме тома 2 (1842) Фридрих Вильгельм Шуберт прилагает биографию Канта, составленную на основе документов, а в 12-м томе (1840) Карл Розенкранц представляет свою «Историю Кантовой философии» (лишь издание произведений Канта Эрнстом Кассирером в 1912—1922 гг. было снабжено общим, (существующим также отдельным изданием), выдержанным конечно, в духе школы, очерком кантовской философии).

После того как долгое время не появлялось полное собрание сочинений Канта, старые частичные издания Тифтрукка (1799) и Ринка (1800) не могли даже приблизительно заполнить этот пробел; издание Розенкранца—Шуберта встретило

конкуренцию со стороны появившегося в то же самое время и тоже в Лейпциге издания Канта, выпущенного Хартенштайном (сторонником Гербарта). Хотя это издание Хартенштайна явно уступало относительно того, что касалось структуры издания (например, отсутствовала хронология), количества предложенных текстов Канта и историко-философской компетенции издателей, изданию Розенкранца — Шуберта, то все же эти два подхода к изданию, что, к сожалению, имело следствием не усиление, а ослабление понимания Канта, с другой стороны, явно указывали на то, что возникали две формы освоения философского наследия Иммануила Канта.

Перефразируя известное изречение Германа Глокнера, можно охарактеризовать начавшееся в домартовский период конкурирующее осмысление философии Канта в следующей формуле: кантовский вопрос есть гегелевский вопрос. Свое понимание исторического места Канта Розенкранц изложил программно во введении к своей «Истории Кантовой философии»: «Поэтому система Гегеля является той системой, которая должна более всего восходить к кантовской, с одной стороны, опровергая ее односторонние определения, но, с другой — оправдывая и проясняя ее как бессмертное и необходимое деяние философского духа»¹⁰.

Тем самым Розенкранц явно дистанцируется от неисторической интерпретации Канта, возникновение которой относится также к концу 30-х годов. При этом была сделана попытка превратить находившуюся в брожении философскую жизнь современности, характеризовавшуюся релятивистской неразберихой, в некое пристанище; в этом ретроградном движении был возведен на трон идеалистически просветленный Кант, с помощью которого можно было теперь быстро найти выход — last not least (последний, но не самый худший. — *Прим. ред.*) — для истории философии, науки и политики, выход достаточно абстрактных масштабов.

Главными противниками — антиподами Розенкранца в этом были Карл Фортлаге¹¹ и Кристиан Германи Вайсе¹². С интерпретацией Канта (так называемым поздним идеализмом) мы попадаем в предысторию неокантианства, которое, следовательно, уже в лице Розенкранца имело прозорливого и компетентного критика.

Эти идеологические споры вокруг философии Канта нашли быстрое и яркое обострение уже при решении конкретных вопросов издания: следует ли при издании Канта рассматривать в качестве идентичного текста «Критики чистого разума», этого главного труда Канта, его первое издание (A-Ausgabe) или дополненное явно критическими по отношению к идеализму уточнениями 2-е издание (B-Ausgabe). Артур Шопенгауэр, например, неоднократно настаивал в письмах к Розенкранцу взять в качестве идентичного текста только текст 1-го издания.

Розенкранц первым выбрал, однако, в этом вопросе последовательный историко-критический метод, публикуя 1-е издание вместе со всеми вариантами и добавлениями 2-го издания, так что «читатель имеет теперь перед собой в соответствии с методом, которого я придерживаюсь, процесс формирования спекулятивной философии Канта таким, как он происходил у него самого. Таким образом, можно было следить за процессом [развития] у него самокритики»¹⁴.

Исторический метод, положенный Розенкранцем в основу своего издания произведения Канта, принес, естественно, свои плоды в его очерке «Истории Кантовой философии». Это произведение написано в лучших традициях гегелевского мышления. Он не из тех многочисленных комментаторов Канта, которые, хотя и работали с философической тщательностью, но не обладали действительным пониманием духа времени. «Я же, напротив, покажу,— пишет он в письме к Варнхагену,— как философия Канта возникла из своего времени и как она вновь тесно переплелась с ним. Такой высотой прозрения обладали до сих пор только Шеллинг и Гегель; но должны ли мы отставать? Итак, для меня такие, как Эрхард, Баггезен, революция и т. д., в тысячу раз важнее, чем целое войско затхлых кантианцев»¹⁵.

Таким образом, Розенкранц всегда пытался схватить тотальность какого-либо события культурной жизни, т. е. свести его к самой сущности, и при этом он достигает больших высот в изображении, что положительно отличает его от философской историографии своего времени, которая подчас богата по материалу, но не обладает в большинстве случаев пониманием общественно-исторической панорамы в целом, без которого философское развитие остается в лучшем случае беспредметным, а в конечном счете — непонятым¹⁶.

Произведение Розенкранца отличается тем, что оно не только предлагает толкование основных трудов Канта, но и исследует как генезис или связь мышления Канта со всей европейской философией XVIII столетия, так и противоречивое формирование кантовской школы, историю международного влияния кантовской философии и разнообразное влияние философии Канта на отдельные науки. И, наконец, Розенкранц исследует также разнообразную критическую литературу о Канте и преодоление и снятие кантианства в системе Гегеля.

При этом Розенкранц умеет связать философию с литературой и политикой недоступным для академической официальной философии своего времени образом и приближается к лучшим литературно-историческим и социологическим достижениям «Молодой Германии», главным образом, Генриха Гейне.

Это относится не только к его впечатляющей манере изображать культуру в ее целостности, но и к удивительной форме и — как констатирует Варнхаген фон Энзе¹⁷ — к «шутливому тону», который делает его книгу «История Кантовой филосо-

фии» замечательным научным достижением периода упадка немецкой классической философии.

¹ Карл Розенкранц к Варнхагену фон Энзе от 19 ноября 1837 г. В переписке между Карлом Розенкранцем и Варнхагеном фон Энзе, изданной Артуром Варда (Кенигсберг, 1926. С. 58.) Этот синдром Розенкранца выражается в 1840 г. (в тот год, когда появилась его «История Кантовой философии») в трогательном самоироничном изречении, когда он в своей комедии «Центр спекуляций» представил автопортрет со всей психологической пронизательностью: «Моя голова идет кругом — принадлежу я к старой или молодой Германии... Я философствовал о вере и знании, Шлейермахере и Даубе, Канте и Гегеле и стал, наконец, так метаться двузачно между этими сторонами, что ни одна из них не питала больше ко мне доверия. Я со всеми порвал отношения, а я ведь так боюсь остаться одиноким. Лишь богу известно, что же из меня получится. В конце концов я стану не кем иным, кто я уже есть, лишь писателем. Если бы то было возможно предполагать, не отрицая, то я был бы счастливейшим человеком» (Розенкранц К. Центр спекуляций. Кенигсберг, 1840. С. 74.)

² Карл Розенкранц к Варнхагену фон Энзе от 19 ноября 1837 года, в переписке (см. Переписка. С. 59). Варнхаген доказывал однажды в связи с этим «что всегда восхваляют диалектическую пронизательность, живые чувства, быстрый и грациозный стиль» (Варнхаген к Розенкранцу от 12 июня 1834 г. В переписке... См. там же. С. 10). Именно в своей «Истории Кантовой философии» Розенкранц хотел активизировать относительно этого все свое умение: «так как я все же хочу создать в честь Канта классическое произведение» (Розенкранц к Варнхагену от 19 марта 1839 г., см. там же. С. 79).

³ Розенкранц К. От Магдебурга до Кенигсберга. Берлин, 1873. С. 187.

⁴ См. там же. С. 201. «Существуют два произведения, которые можно сравнить на основе философии с ней («Феномологией духа.» — Пер.): «Государство» Платона и недостаточно восхваленную «Критику чистого разума» Канта» (Там же. С. 291; ср.: Розенкранц К. Из дневника. Лейпциг, 1854. С. 62).

⁵ Последователями Розенкранца на кафедре философии были (с 1879 по 1945 год) Юлиус Вальтер, Альберт Гедеке-Мейер, Ханс Гейзе, Арнольд Гелен, Эдуард Баумгартен и Конрад Лоренц, известный сегодня как исследователь отношений.

⁶ Розенкранц К. От Магдебурга до Кенигсберга... С. 484.

⁷ Энгельс Ф. В примечаниях к текстам нашего времени. Берлин, 1967. Т. 2. С. 258. Деятельность Розенкранца не ограничивалась учебной нагрузкой (преподавателя) в университете; вскоре он стал принимать активное участие в политической жизни города. При этом Розенкранц вскоре вступил в контакт с носителями идей укоренившегося восточно-прусского либерализма, который здесь особенно распространился после июльской революции 1830 г. Большое значение для политического образования и смелых буржуазных взглядов имела тесная дружба, которая связывала его с Теодором фон Шёном (1773—1856), президентом Восточной и Западной Пруссии; о нем писал Франц Меринг, что он самый свободолюбивый «государственный деятель, которого когда-либо знала Пруссия» (Меринг Ф. Легенда о Лессинге. Берлин, 1963. С. 101).

Розенкранц тогда, конечно, приветствовал буржуазную революцию 1848 г.; в июле 1848 г. он переехал в Берлин, чтобы в кабинете восточно-прусского либерала Рудольфа фон Ауэрвальда получить пост министра культуры и, если не последуют возражения короля, заняться деятельностью советника; он был избран в прусский парламент (ландтаг), пока в июне 1849 г. не отказался от своих полномочий из-за невозможности действенной политической борьбы. Именно эта политическая деятельность показала огромные способности Розенкранца к самодисциплине и самоопределению, так как у него, собственно, не было таланта политика; как он однажды возражал

Арнольду Руге: «Когда речь идет о моменте, об определенном контрбалансе, катастрофическом положении, мне не хватает субъективности и фатализма (...) К нему нельзя применить силу, если не хочешь причинить ему вреда» (Карл Розенкранц к Арнольду Руге от 27 ноября 1939 г.//Боддин Г. Карл Розенкранц как историк литературы). Розенкранц вернулся вновь в Кенигсберг на свою должность преподавателя. О дальнейшем научном и личном становлении Розенкранца до его смерти (14 июня 1879 г.) ср.: Ионас Р. Карл Розенкранц. Лейпциг, 1906 и недавно: Боддин Г. Указ. соч. С. 86—99, 130—134.

⁸ Розенкранц К. Новые исследования. Лейпциг, 1877. Т. 3. С. 8 (ср.: «О проникновении в исторически развивающуюся проблематику» и вообще его доклад «Заслуга немцев в философии истории»/Кенигсберг, 1835). Тем самым Розенкранц продуктивно поддерживает заложенную еще в гегельянстве линию развития будущего философского (и историко-философского) мышления, о котором упоминает основополагающим образом Георг Фридрих Даумер в одном из писем к Людвигу Фейербаху (от 12 февраля 1828 г.): «На что сейчас можно фактически опереться—это, я думаю, философия истории, а именно истории в широком смысле слова. Вся система спекуляции должна стать, по моему мнению, историей, простой историей духа и мира. Гегель представлял это в какой-то степени в своем методе. Но бессмысленно и в высшей мере путанно заставлять мировую историю, как это он делает, как момент целого». (Фейербах Л. Собр. соч. Берлин: Изд. В. Шуффенгауэр, 1984. Т. 17. С. 100. (Т. 1. Переписка).

⁹ Ср. всеобъемлющий труд Ф. В. Шуберта «Иммануил Кант и его отношение к политике во 2-й половине XVIII в.»//Исторический справочник/Под ред. Раумера. 1838. Т. 9. С. 525—628).

¹⁰ Розенкранц К. История Кантовой философии. Лейпциг, 1840. С. 11; ср. так же: Розенкранц К. Новые исследования... Т. 3. С. 8.

¹¹ Ср.: Фортлаге К. Отношение Канта к философии до и после него//Немецкий ежеквартальный журнал. 1838. № 4. С. 91—123.

¹² Ср.: Вейсе К. Г. Три основополагающих вопроса в современной философии//Журнал по философии и спекулятивной теологии. 1837. № 1—и, прежде всего, его лейпцигская лекция по случаю вступления в должность профессора в 1845 г. «В каком смысле немецкая философия стала вновь ориентироваться на Канта?» (Браш М. Философия современности. Лейпциг, 1888. С. 111—129). Ср. в целом: Леман Г. Добродетели Канта: новое в истории и интерпретации философских идей Канта. Западный Берлин, 1980. С. 225—231.

¹³ Ср.: Рейке Р. Три письма Шопенгауэра к Карлу Розенкранцу//Древнепрусский ежемесячник. 1889. № 26. С. 310—331. Розенкранц, конечно, знал об исторической актуальности влияния различий двух изданий «Критики чистого разума», например, что «из второго издания никогда не смог бы возникнуть идеализм Фихте» (Розенкранц К. Новые исследования... Т. 2. С. 23).

¹⁴ Розенкранц К. Новые исследования... Т. 2. С. 67.

¹⁵ Розенкранц К. К Варнхагену фон Энзе от 14 октября 1837 г. Переписка. С. 54.

¹⁶ Например, Рикснер Т. А. Справочник по истории философии. Зальцбах, 1829. Т. 3; Бидерман К. Немецкая философия от Канта до наших дней. Лейпциг, 1824; Хашбойс Г. М. Историческое развитие спекулятивной философии от Канта до Гегеля. Дрезден, 1843. Как однажды сказал об этой историографии Вильгельм Дильтей, «понятие развития почти исчезло в этой истории» (Дильтей В. Мироззренческое учение: научные разработки по философии философии//Собр. соч. Лейпциг, 1931. Т. 8. С. 129).

¹⁷ Варнхаген фон Энзе к Карлу Розенкранцу от 24 апреля 1840 г. Переписка. С. 87. Вероятно, это то, что является вопросом обычных идеологических и методологических парадигм академической немецкой школьной философии XIX в., что не произвело желаемого влияния на это произведение.

Перевод с немецкого И. Д. Копцева.